

РАЗДЕЛ 4. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ПРАВО, СВОБОДНОЕ
ОТ ПОЗИТИВИЗМА
(Т. Е. ЕСТЕСТВЕННОЕ),
ИМЕТЬ ДОЛЖНО ТРИ ГЛАВНЫХ
СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ
ПРИНЦИПА: РАВЕНСТВА
(РАВНОЙ МЕРЫ ДЛЯ ВСЕХ),
СВОБОДЫ СУБЪЕКТОВ
И СПРАВЕДЛИВОСТИ
(ИСКЛЮЧЕНИЯ ПРОИЗВОЛА
И ПРИВИЛЕГИЙ).**

Академик В. С. Нерсесянц

Приглашаем на сайт научного журнала:

<http://vestnik.volbi.ru>

Все вопросы

по e-mail: meon_nauka@mail.ru

УДК 347.2/3

ББК 67.404

Гончаров Александр Иванович,

д-р эконом. наук, д-р юрид. наук, проф. каф. гражданско-правовых дисциплин
Волгоградской академии государственной службы,
г. Волгоград,

e-mail: goncharova.sofia@gmail.com;

Рыженков Анатолий Яковлевич,

д-р юрид. наук, проф. каф. гражданско-правовых дисциплин
Волгоградской академии государственной службы,
г. Волгоград,

e-mail: 4077778@list.ru;

Черноморец Альберт Евгеньевич,

д-р юрид. наук, проф. каф. гражданско-правовых дисциплин
Волгоградской академии государственной службы,
г. Волгоград,

e-mail: restandpeace@yandex.ru

ВЕРНУТЬ ПОНЯТИЕ СОБСТВЕННОСТИ В МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ РУСЛО

RETURN THE CONCEPT OF PROPERTY TO THE MATERIALIST FLOW

В статье обосновывается негативность понимания собственности сквозь призму права с определением тем самым первичности права и вторичности экономики. В Гражданском кодексе РФ выражаются не экономические закономерности общественного развития, а политика, искажающая суть явлений действительности, смешиваются объект и субъект присвоения. Человек как природный материальный субстрат смешивается с правом как явлением социальным. Морфологическая структура статьи ГК РФ о нематериальных благах не может признаваться научно обоснованной, поскольку сами блага, не будучи явлениями юридического свойства, смешиваются с правом.

The article has justified the negative understanding of property through the prism of law thus determining the primacy of law and the second turn of the economics. The RF Civil Code presents not economic principles of social development, but the policy, which distorts the essence of the phenomena of reality; the object and the subject of owning are mixed. The man as natural material substratum is mixed up with the law as social phenomenon. The morphological structure of the article of the RF Civil Code regarding non-material wealth cannot be recognized as scientifically substantiated, since wealth themselves, without being the phenomena of juridical type, are mixed up with the law.

Ключевые слова: владение, пользование, распоряжение, собственность, гражданское законодательство, экономика, право, человек, способности, идеализм, материализм.

Keywords: possession, use, ownership, property, civil legislation, economics, law, man, abilities, idealism, materialism.

С переходом России к товарно-денежному способу производства, именуемому рыночной экономикой, произошли серьезные сдвиги в общественном сознании лю-

дей. С одной стороны, стяжательство, жажда обогащения любыми способами охватывают все большую часть населения, а с другой, – отказ активной части граждан России, в первую очередь представителей общественных наук и законодателей, от материалистических взглядов на исторический процесс развития общества. Таким образом, закон единства и борьбы противоположностей в социальной жизни людей действует в полной мере, а идти против основных философских законов развития природы, общества и мышления – все равно, что плыть против течения. В метаморфозе общественного сознания, выраженного в научных исследованиях проблем собственности и ее правовых форм, кроются серьезные негативные последствия, о которых пойдет речь в нашей статье.

Ученым-юристам и некоторым представителям теории экономических учений, исследующим проблемы собственности, присуща одна особенность. Эту сугубо экономическую категорию они рассматривают сквозь призму права, а точнее, действующего позитивного законодательства, но не в русле действия объективных закономерностей экономического развития общества, их производительных сил, функционирующих на базе естественно-природных законов. В основе таких воззрений лежит первичность права и вторичность экономики. Между тем, как справедливо отмечают В. А. Каменецкий и В. П. Патрикеев в обоснованной ими экономической доктрине, отношения собственности большей частью имеют естественное происхождение и подчиняются естественным законам природы. Понятие «право» применимо к ним только в том случае, если оно сформулировано в полном соответствии с законами природы [1, с. 204]. Однако отвергается тот незыблемый факт, что принадлежность кому-то чего-то – это естественно-природное явление. В законодательстве любой страны, в том числе и России, часто верх берет не концентрированное отражение экономических отношений, а политика в худших ее свойствах и проявлениях, которая действует безотказно через законодательство и средства массовой информации.

Вот и возникает вопрос: где лежат корни такого заранее «юридизированного» представления собственности как явления экономического, существовавшего в обществе и тогда, когда на планете Земля еще не знали ни государства, ни права. Ведь в условиях первобытно-общинного строя существовали отношения присвоенности или принадлежности созданных самой природой материальных благ сообществу или отдельным его членам, что позднее получило название «собственность». Но не было тогда еще и намека на право как явление более поздней исторической эпохи.

В нашей отечественной, да и зарубежной, литературе чаще всего истоки всех решений собственнического характера ищут в римском праве. Действительно, если мы исследуем это право уже более позднего, Юстиниановского периода (V век н. э.), то увидим, что собственность определяется как право владеть, пользоваться и распоряжаться, конечно в латинских выражениях с присущей данному языку смысловой нагрузкой. Эта триада пережила многие века и осталась непоколебимой, стала своеобразной матрицей для законодательств многих европейских стран. Правда, имелись в литературе высказывания о том, что этих прав у собственника значительно больше (например, Коуд, Оноре, Норд и др.). Но суть дела не в числе прав или правомочий собственника на принадлежащий ему объект, а в том, что собственность исходно, в генетическом ее происхождении рассматривается как явление правовое или юридическое. Это означает, что действующее в стране позитивное законодательство определяет все условия принадлежности объекта собственности субъекту. То, что там записано, признается аксиомой (неоспоримой истиной). Тем самым материалистический взгляд на природу собственности трансформируется в идеалистический. В его основе лежит первичность социального явления, выраженно в праве, и вторичность материального мира.

В советский период собственность трактовалась непременно с позиций учения К. Маркса и других представителей классической политической экономии. Особо показательным в этом отношении является взгляд на данную проблему доктора экономических наук, доктора юридических наук, профессора В. П. Шкредова в его известном труде «Экономика и право». Мысль о признании собственности юридической категорией проходит красной нитью во всем содержании данной работы. «Определение собственности как системы права и реальных правоотношений владения, пользования и распоряжения, – пишет уважаемый профессор, – относится практически ко всем сферам жизни общества, в которых существует имущество, имущественные отношения. В этой независимости от вполне конкретной социальной сферы заключается абстрактное, всеобщее определение права собственности, непосредственно приложимое как к экономике, так и к непроизводственной деятельности, связанной прямо или косвенно с использованием какого-либо имущества» [2, с. 131].

Отрицая трактовку собственности как экономического явления, В. П. Шкредов выражает несогласие с теми экономистами, которые представляют собственность в понимании К. Маркса как систему производственных отношений. По его мнению, К. Маркс характеризовал

собственность как волевое юридическое отношение, как монополию известных лиц на владение, пользование и распоряжение определенными вещами [2, с. 212]. Ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни В. И. Ленин, по его мнению, не включали в определение предмета политической экономии собственность. Собственность, бывшая испокон веков институтом права, ошибочно превратилась в основное производственное отношение. Настало время для того, чтобы наука о праве вернула себе собственность в качестве своего специфического предмета. Не в политической экономии, а именно в юридической науке собственность должна занять место исходной и основной категории. Именно правоведа в теории собственности должны уделять основное внимание раскрытию исторической специфики форм государственной, общественной, личной собственности, разрабатывая конкретные предложения, направленные на реформу норм права, которые регулируют имущественные отношения [2, с. 235, 237].

Говоря об этом идеалистическом воззрении, добавим, что В. П. Шкредов категорически возражает против характеристики собственности как присвоения, поскольку оно не содержит специфического признака, характерного только для собственности как экономической категории, и может осуществляться не только в результате процесса производства, распределения, обмена, но и неэкономическими способами (получение дара, наследства и др.) [2, с. 232].

Идеализм взглядов В. П. Шкредова на собственность, сопровождаемый внутренними противоречиями, – и название собственности экономической категорией, и отрицание автором присвоенности как ее сущности, – не выдерживает никакой критики. Разве при получении чего-то в дар или по наследству не происходит присвоение его одаряемым или наследником? Отрицать присвоенность или принадлежность кому-то материальных благ равносильно тому, что отрицать саму собственность, независимо от признания ее экономической или правовой категорией. Ведь присвоение происходит не только в результате производства, распределения, обмена, но и при получении дара, наследства и иными неэкономическими способами, о которых пишет сам В. П. Шкредов, а также и естественно-природным путем, не упомянутым автором. Способности даются человеку от рождения по естественным законам, развиваются им на протяжении всей его жизни и не отчуждаемы от него ни при каких обстоятельствах. Элемент присвоенности или принадлежности независим от способов приобретения объектов собственности субъектом. Повторим, что процесс присвоения или принадлежности чего-либо кому-либо происходит, прежде всего, из объективных естественно-природных законов развития общества.

При всей ошибочности идеалистического подхода к уяснению понятия «собственность» сквозь призму права или законодательства он прямо и косвенно служит той платформой, на которой было построено в свое время советское законодательство, а сегодня – гражданское и другое законодательство России. Негативность такого положения состоит в том, что в законодательстве выражаются не экономические закономерности общественного развития, а политика, искажающая суть явлений

действительности, смешиваются объект и субъект при- своенности. Кто может объяснить, почему в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) [3] термин «фонд» употребляется как субъект права, а не объект? Если мы обратимся к словарю русского языка, то увидим, что слово «фонд» обозначает денежные средства (запасный фонд, фонд заработной платы); ресурсы, запасы чего-нибудь (земельный фонд, семенной фонд, государственные фонды); банковские фонды и другие подобные предметы материального мира, не имеющие в своем содержании или структуре человеческого субстрата¹.

Если там нет места человеку, а юридическое лицо безлюдным не бывает, то зачем же фонд называть субъектом права, организацией и юридическим лицом! Не логичнее было бы фонд рассматривать как объект гражданского права и поместить в статью 128 ГК РФ, где говорится об объектах гражданских прав? А если исследовать данный вопрос с точки зрения собственнической связки субъект – объект в контексте ГК РФ, то имущество, переданное фонду его учредителями (учредителем), согласно п. 1 ст. 118 ГК РФ является собственностью фонда. И фонд вправе заниматься предпринимательской деятельностью, необходимой для достижения общественно полезных целей, ради которых создан фонд (п. 2 ст. 118 ГК РФ). Заниматься этой деятельностью могут, конечно, только живые люди, а не имущество.

Здесь допущены две грубейшие ошибки, проистекающие из политических соображений, которые вступают в противоречие с объективными законами экономического развития. Первая состоит в том, что поскольку юридических лиц без людей не существует, то в объект материального мира люди включены искусственно, чтобы признать данный объект вопреки здравому смыслу субъектом права, организацией. Вторая, еще более глубокая ошибка состоит в том, что данной организации разрешается заниматься предпринимательской деятельностью, что сразу же перечеркивает ее некоммерческий характер. А тот факт, что имущество, полученное от учредителей (учредителя) фонда, признается его собственностью, означает, что в процессе такой передачи происходит трансформация собственности, а точнее, чистая (законная) приватизация объектов публичной собственности в частную односубъектную собственность юридического лица, а через нее и в индивидуальную многосубъектную собственность лиц, участвующих в деятельности фонда. Трудно представить, чтобы юридическое лицо в форме фонда создавали гражданин или группа граждан, как это предусмотрено ГК РФ. Хотя, конечно, теоретически такое возможно, что в наших условиях будет настоящим чудом благотворительности или спонсирования. Так что основными учредителями фондов являются все-таки публичные образования, и, отдав часть своего имущества фонду, они уже лишаются права собственности на него.

Если называть вещи своими именами, то следует подчеркнуть, что в делении организаций – юридических лиц на коммерческие и некоммерческие ГК РФ допущен полный провал, на что в юридической литературе обращалось внимание множество раз, в том числе и на-

ми. Особо непонятной является природа образовательных учреждений, созданных физическими лицами и называемых частными учебными заведениями. Даже несведущему в экономике человеку, обладающему только здравым рассудком и устроившим своего сына или дочь учиться в такое заведение, понятно, что оно функционирует на коммерческой или предпринимательской основе. Более чем очевидно, что относить такое заведение к некоммерческим организациям – значит входить в систему самообмана. А он в социальной жизни недопустим. Недостоверность фактов – тормоз на пути человеческого прогресса.

Закон о некоммерческих организациях, принятый 12 января 1996 г. [4], в который около 20 раз вносились изменения и дополнения, – это тот черный ящик, из которого «выползают» недостоверность и самообман в его положениях, сформулированных, скорее всего, в русле политических соображений властвующего истеблишмента, а не объективных закономерностей экономического развития общества. Нами он подробно анализировался [5], и здесь мы о нем лишь упоминаем в контексте поставленной в статье задачи – показать негативность понимания собственности сквозь призму права с определением тем самым первичности права и вторичности экономики.

Чтобы глубже понять ошибки идеалистического подхода российского законодателя к собственности, вернемся к исходным положениям ГК РФ, в которых определяется объект собственнической принадлежности и та триада прав собственника, которыми он располагает в отношении своего объекта. Свообразный фундамент, на котором строится весь правовой механизм регулирования собственнических отношений или отношений принадлежности материальных благ в обществе, составляют ст. 128 и 209 ГК РФ. Первая из названных статей ГК РФ является заглавной в подразделе объектов всех гражданских прав, включая, конечно, и объекты права собственности. Но ее морфологическая структура не выдерживает никакой критики с точки зрения логического ряда. Если исходить из того, что разные объекты гражданских прав здесь разделяются точкой с запятой, то в первом подразделе значатся вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права. Оказывается, что понятия «вещи» и «имущество» выражают собой тождественные явления, а в состав имущества и, следовательно, в состав вещей входят и имущественные права. Затем называются работы и услуги. За ними следует информация. Отдельно называются результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность), и последними значатся нематериальные блага.

Конечно, не все, что здесь перечисляется в качестве объектов гражданских прав, относится к праву собственности. Но вещи или имущество уж точно входят в состав объектов права собственности, поскольку оно-то и именуется вещным правом. Причем такое его наименование является хрестоматийным не только для российского законодательства, но и всех представителей отечественной цивилистической науки. Нам еще не встречалась работа, в которой подвергалось бы сомнению такое название права собственности. Но возникает вполне резон-

¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс; Мир и образование, 2008. С. 1145.

ный вопрос: как же оно может называться вещным, если вещь отождествляется с имуществом, а в него включаются еще и имущественные права. Где же здесь логика? Конечно, в случае выражения «вещи надо называть своими именами» под вещами можно подразумевать все что угодно: и существующее, и несуществующее в природе. Но когда речь идет об объектах права собственности, то такая пустая фразеология недопустима, поскольку смешиваются предмет материального мира и явление социальное, каковым является право, независимо от того, имущественное оно или неимущественное. Не надо забывать, что чьим-то имущественным правам непременно корреспондируют чьи-то обязанности. Вот и получается, что имущественное право и обязанность являются объектом права собственности по ГК РФ. Это самая настоящая юридическая экзотика, которая с особой ясностью высвечивается в ст. 132 ГК РФ, дающей определение предприятия как имущественного комплекса. Перед нами какой-то конгломерат (смешение) имущества в виде материально-вещественных предметов, прав (требований), обязанностей (долгов), услуг, знаков и других подобных изображений. Такая «мозаичная картина» стала объектом собственности, который сложно понять, поскольку он используется для предпринимательской деятельности, что в принципе возможно только с человеческим субстратом, а его здесь нет. Без них все это мертвый капитал, а не объект предпринимательской деятельности.

Весь раздел 11 «Право собственности и другие вещные права» ГК РФ рассматривает «вещь» и «имущество» как понятия-синонимы, а потому и полностью взаимозаменяемые. Это означает, что если в состав имущества входят имущественные права, то нет никаких оснований право собственности называть вещным правом, как это происходит до сих пор в отечественной юридической науке и в законодательстве. Право собственности – уже давно право не вещное, о чем мы убедимся ниже при анализе других объектов собственнических отношений. Предварительно подчеркнем, что под вещами мы подразумеваем предметы материального мира, созданные самой природой, но осязаемые человеком или находящиеся в сфере его деятельности, служащие ему, а также созданные самими людьми как материальные блага, обеспечивающие продолжение их жизнедеятельности на планете Земля. Примерно так толкуется вещь в словаре русского языка². Нельзя в законодательстве строго научный термин «вещь» подменять бытовым употреблением того, чего и в природе может не существовать. Даже если законодатель использует термины «вещь» или «имущество» в качестве юридической фикции и включает в выражаемые ими явления животных (ст. 137 ГК РФ), что не совсем корректно, то и в данном случае нельзя смешивать предметы материального мира и идеальные явления в форме права.

Вернемся еще к ст. 128 ГК РФ. До сих пор мы извлекли из нее только понятия «вещь» и «имущество с имущественными правами». К перечисленным в ней объектам гражданских прав, в том числе и права собственности, безусловно относится информация. Накоп-

ленная человечеством информация служит важнейшим фактором научно-технического прогресса и развития движущих сил общества. Но в контексте нашего исследования особо следует выделить такой объект права собственности, как результаты интеллектуальной деятельности, в том числе права на них (интеллектуальная собственность). Как видим, материально-вещественный результат интеллектуальной деятельности здесь почему-то называется собственностью, то есть отношение принадлежности смешивается с самим объектом этой принадлежности, что является с научной точки зрения ошибочным. А открытый и явно выраженный идеализм здесь проявляется в том, что само право на результаты интеллектуальной деятельности, отождествляемые с отношениями их принадлежности, рассматриваются как объект гражданских прав, а следовательно, и права собственности. Это лишний раз подтверждает нашу мысль о том, что право собственности – далеко не вещное право, поскольку может иметь объектом собственности другое право. Теоретическое исследование права собственности на результаты интеллектуальной деятельности сегодня должно стать неотложной задачей и ученых-экономистов, и юристов, поскольку в России объявлен курс на модернизацию, в котором роль достижений науки и техники, новых технологий является главенствующей.

В контексте нашей темы интерес представляют названные в ст. 128 ГК РФ нематериальные блага. ГК РФ выделил их в отдельную главу и посвятил им три статьи 150–152. Объектом гражданских прав они, бесспорно, являются, поскольку защищаются законом с компенсацией морального вреда, причиненного гражданину вторжением в его честь, достоинство и деловую репутацию. Но могут ли нематериальные блага быть объектом права собственности – вот вопрос, на который в юридической науке никто пока ответа не давал.

Анализ содержания ст. 150 ГК РФ, перечисляющей нематериальные блага, еще раз показывает, что явления материального мира здесь смешиваются с тем же правом. Разве человек со своим здоровьем – не природный объект, не естественно-природное создание, жизнь которого протекает по объективным природным законам? Отрицание его материалистической природы является более чем очевидной ошибкой. Сотворен ли он Богом или путем эволюции из человекоподобной обезьяны – это уже другой вопрос. В любом случае не человек является результатом действия права, а право является следствием деятельности человека. Но почему-то с человеком (его жизнь и здоровье) как природно-естественным созданием в одном ряду перечисляются его права на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства, на имя и другие права, которые вытекают уже из закона. Как там говорится дословно, «неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежат гражданину от рождения или в силу закона». Таким образом, человек как природный материальный субстрат смешивается с правом как явлением социальным. Такая морфологическая структура статьи ГК РФ о нематериальных благах не может признаваться научно обоснованной, поскольку сами блага, не будучи явлениями юридического свойства, смешиваются с правом. Как можно, например, достоинство личности, честь и доброе

² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / под общ. ред. Л. И. Скворцова. С. 100.

имя ставить в какую-то связь с правом? Они совершенно не правовые феномены, а природно-естественные свойства каждого индивидуума. Способности людей почему-то вообще не названы в числе нематериальных благ.

Критикуя содержание ст. 150 ГК РФ, авторы «Основ социальной экономики» В. А. Каменецкий и В. П. Патрикеев задают вопрос, почему прямо не указаны такие блага, как способности человека, упоминаемые в нескольких статьях Конституции РФ и неизмеримо более важные по сравнению с другими, названными в ней благами? И считают, что это произошло из-за того, что данная статья относится к подразделу «Объекты гражданских прав», которые формально не должны считаться объектами собственности. Если уж эти блага не считаются объектами собственности, то хотя бы объектами гражданских прав они должны считаться. А формулировка, используемая в этой статье, – «принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона» – означает, что природные законы рассматриваются законодателем как равнозначные общественным законам. Это наглядный пример законодательного произвола. Закон, признав существование нематериальных благ, уже не может по своему выбору устанавливать, какие объекты являются объектами собственности, а какие нет, и должен считать объектами собственности все, которые отвечают критериям «блага» и объективным признакам объектов собственности [1, с. 237–239].

Не вдаваясь в обсуждение вопроса о равнозначности природных и общественных законов, о которых говорится в ст. 150 ГК РФ, мы только отметим, что авторы дают совершенно точную характеристику содержания данной статьи, так как в ней не дифференцируются блага нематериального характера. Весьма вероятно, эта статья ГК РФ построена на понимании того, что если природное явление не имеет имущественного характера, то оно не материально по своей сути. На самом деле материальность объекта природы в диалектическом истолковании сама по себе не требует признака какой-то связи с человеком, его материальной заинтересованностью. Поэтому двухсловное выражение «нематериальные блага» нуждается в серьезном научном исследовании с позиций философского понимания материальности. Право не может идти вразрез объективным природным законам.

В вопросе соотношения материи и сознания человек и его жизнь, с одной стороны, безусловно, явление материального мира, объект естественно-природного происхождения, а с другой, – преобразователь естественного состояния планеты Земля, то есть субъект всех деяний. Такой детерминации никогда нельзя исключать из связи человека с природой. Позитивное право здесь играет второстепенную роль: можно сказать, только в плане сохранения природы от разрушения цивилизацией. Особую роль человек играет в сфере материального производства, где его интеллектуальные и физические способности выполняют функции активной части производительных сил, приводят в работу пассивную составляющую в виде орудий и средств производства и предметов труда, что называется имущественным капиталом. К сожалению, К. Маркс в свое время низвел человеческий капитал до грубой рабочей силы, оторвал ее от человека, в физиологической оболочке которого

она пребывает, и назвал продаваемым товаром. Эта глубоко ошибочная сентенция до сих пор сохраняется как научная догма в экономической теории и взята странами с рыночным способом производства, в том числе и Россией, за основу, на базе которой строится экономическое законодательство. Во многих своих фундаментальных трудах, в том числе и в упомянутом здесь, В. А. Каменецкий и В. П. Патрикеев глубоко и основательно подвергли критике несостоятельность и вредность постулата К. Маркса «рабочая сила – товар». Мы в своих работах развиваем эту, на наш взгляд, научно обоснованную доктрину и с правовых позиций доказываем ошибочность учения К. Маркса по данному вопросу.

В ст. 34 Конституции РФ [6] говорится, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности. А ст. 37 Конституции РФ устанавливает, что каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Термин «свои» здесь обозначает тот непреложный факт, что Конституция РФ называет способности человека к труду его объектом собственности. Но не только способности к труду, а все человеческие качества: физическая сила, ум, талант и другие подобные свойства даются ему природой от рождения, то есть имеют, прежде всего, естественное происхождение, а затем развиваются в процессе всей его жизни. Они неотчуждаемы от него ни при каких обстоятельствах. Поэтому тезис К. Маркса «рабочая сила – товар» является ошибочным в самом генезисе и не выдерживает никакой критики. Вместе с тем ГК РФ построен на теории К. Маркса, и сегодня представители властных структур нашего государства, руководствуясь положениями этого законодательства, употребляют в своих официальных выступлениях понятие «рынок труда», что является тем же проявлением идеализма. Труд людей не продается, а вознаграждается, что является аксиомой экономического развития общества.

Способности человека имеют материальную субстанцию, потому что находятся в неразрывной связи с его душой и телом и должны быть признаны позитивным законом его объектом собственности. По существу, такой шаг будет дублированием естественного права, но он необходим для того, чтобы поднять роль человеческого капитала в движущих силах общественного развития, в котором все большее засилье получает имущественный капитал. Фетишизация в российском законодательстве имущественного капитала и принижение роли человеческого капитала во всех областях жизнедеятельности людей влечет за собой негативные последствия различной степени тяжести.

Надо иметь в виду, что интеллектуальные и физические способности человека (хотя не исключаются в этой роли и другие его свойства) выступают определенным фактором реализации собственнической принадлежности людям и отчуждаемых объектов, представляющих имущественный капитал. Они создают предпосылки для реализации всей триады прав собственника в отношении принадлежащего ему объекта или парализуют такую возможность. Например, отсутствие способности

управлять автомобилем деформирует у его собственника правомочие пользования им. У него остается только пассивное право владеть автомобилем. Это проявление способностей человека в так называемой бытовой сфере. Но самое большое значение имеет проявление способностей людей в общественно-полезной деятельности, особенно в производстве материальных и духовных благ. Ведь не случайно Конституция РФ выделила именно трудовые способности каждого человека, поскольку они играют решающую роль в производительных силах любой общественно-экономической формации и государственно-политического строя.

Самым пагубным для развития движущих сил общества является идеалистический подход к формированию законодательства о юридических лицах. В структуре юридического лица концентрируются все составляющие производительных сил общества, следовательно, оно служит правовой формой выражения складывающихся в нем производственных отношений. Через фигуру коммерческого юридического лица создаются практически все материальные и духовные ценности, необходимые человечеству для продолжения его жизнедеятельности. И в зависимости от того, как построена структура юридического лица производственного характера, зависит судьба экономического развития и отдельного хозяйствующего субъекта, и всей экономики страны. ГК РФ исказил до безобразия внутреннюю структуру коммерческих юридических лиц, поскольку разорвал производственные отношения. Подлинных участников производственного процесса, которые, применяя свои

интеллектуальные и физические способности, именуемые человеческим капиталом, создают новую продукцию, выполняют работы и оказывают услуги, он вывел из производственных отношений, превратив их в продавцов своей рабочей силы. Это является грубейшим нарушением объективно действующих, можно сказать, природно-естественных законов экономического развития. Вопреки этим закономерностям и здравому человеческому рассудку участниками производственных отношений признаются лица, использующие в производстве только свой имущественный капитал, называемый инвесторами. Часто такие инвесторы никакого отношения к производству не имеют и участвуют только в распределении полученного результата производства. Экономическая несостоятельность этой совершенно абсурдной ситуации подвергается справедливой и глубоко обоснованной критике В. А. Каменецким и В. П. Патрикеевым в их многочисленных трудах. Мы также неоднократно в наших работах высказывались в поддержку их взглядов [7]. В заключение следует отметить, что в общественное сознание представителей общественных наук, а также наших законодателей должно прийти понимание того неоспоримого факта, что идеалистический взгляд на природу собственности является великим тормозом в развитии общества. Только диалектико-материалистические воззрения, вытекающие из естественно-природных законов присвоения производимых материальных благ, могут спасти наше коррумпированное общество от полного разрушения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Каменецкий В. А., Патрикеев В. П. Основы социальной экономики. М.: Экономика, 2010. 952 с.
2. Шкретов В. П. Экономика и право. М.: Экономика, 1990. 270 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1. [принят ГД ФС РФ 21.10.1994 (ред. от 07.02.2011)] // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. О некоммерческих организациях: федер. закон РФ от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 29.12.2010) [принят ГД ФС РФ 08.12.1995] (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2011)] // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
5. Гончаров А. И., Рыженков А. Я., Черноморец А. Е. Неопознанный субъект права собственности // Современное право. 2009. № 10. С. 3–7.
6. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ)] // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
7. Гончаров А. И., Рыженков А. Я., Черноморец А. Е. Законодательное искажение отношений собственности и участия в структуре хозяйственных товариществ и обществ // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 3. С. 32–40.
8. Анисимов А. П. Отрицание собственнической правосубъективности сущностью юридического лица / А. П. Анисимов, А. И. Гончаров, А. Я. Рыженков, А. Е. Черноморец // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 3 (13). 160–165.

REFERENCES

1. Kamenetsky V. A. Fundamentals of social economics. M.: Economics, 2010. 952 p.
2. Shkredov V. P. Economics and law. M.: Economics, 1990. 270 p.
3. Civil Code of the RF Part 1 [approved by the SD of the RF FB on 21.10.1994 (revisions as of 07.02.2011)] // Collection of the RF legislation. 1994. # 32. Article 3301.
4. On commercial companies: federal law of the RF dated 12.01.1996 # 7-FZ (revisions as of 29.12.2010) [approved by the SD of the RF FB on 08.12.1995] (revised and amended on 01.01.2011)] // Collection of the RF legislation. 1996. # 3. Article 145.

5. Goncharov A. I., Ryzhenkov A. Ya., Chernomorets A. E. Unidentified subject of the property law // Modern law. 2009. # 10. P. 3–7.

6. Constitution of the Russian Federation [approved by the people voting on 12.12.1993 (with regards to amendments specified by the RF laws as of 30.12.2008 # 6-FKZ, as of 30.12.2008 # 7-FKZ)] // Collection of the RF legislation. 2009. # 4. Article 445.

7. Goncharov A. I., Ryzhenkov A. Ya., Chernomorets A. E. Legislative deterioration of relations of property and participation in the structure of economic partnerships and companies // National interests: priorities and safety. 2011. # 3. P. 32–40.

8. Anisimov A. P. Rejection of proprietary legal objectiveness by the essence of the entity / A. P. Anisimov, A. I. Goncharov, Ryzhenkov A. Ya., Chernomorets A. E. // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2011. # 3 (13). 160–165.

УДК 347.191

ББК 67.404.013

Гордеева Жанна Анатольевна,
соискатель каф. гражданского права и процесса
Волгоградского государственного университета,
мировой судья Красноармейского районного суда,
г. Волгоград,
e-mail: gordezhanag@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ВИДОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

PROBLEMS OF THE SPECIFIC CLASSIFICATION OF LEGAL ENTITIES OF THE PUBLIC RIGHT

В статье представлен анализ юридической литературы и нормативно-правовых актов по проблеме выделения видов юридических лиц публичного права. Решаются вопросы существования тех или иных видов публичных юридических лиц, выявляется их место в системе юридических лиц. Сформулировано авторское видение системы юридических лиц публичного права. Доказана невозможность отнесения некоторых существующих в настоящее время организаций к юридическим лицам публичного права. В зависимости от интересов, лежащих в основе создания юридического лица, предлагается выделять два вида юридических лиц: частные юридические лица и публичные юридические лица.

Ключевые слова: частные юридические лица, публичные юридические лица, гражданско-правовой статус, субъект гражданских правоотношений, органы власти и управления, суд, нормативно-правовые акты, публичное право, законодатель, организации.

The article has analyzed the juridical literature and regulatory-legislative enactments devoted to the problem of distinguishing of the forms of legal entities of the public right. The issues of existence of various forms of public legal entities have been resolved, their place in the system of legal entities has been revealed. The author's view on the system of legal entities of public right has been formulated. The impossibility of the reference of some currently existing organizations to legal entities of public right has been proven. Depending on the interests that establish the legal entity, it is proposed to distinguish two forms of legal entities: private legal entities and public legal entities.

Keywords: private legal entities, public legal entities, civil-legal status, the subject of civil legal relationships, the authorities and powers, court, regulatory-legal enactments, public right, legislator, organizations.

Проблема выделения видов юридических лиц публичного права всегда вызывала в науке многочисленные дискуссии. Один из первых ученых, рассматривавший юридических лиц публичного права, Г. Ф. Шершеневич относил к ним только государство, суть которого сводил к казне [1, с. 122]. К. Д. Кавелин более широко подходил к данному вопросу и относил к ним: 1) государство; 2) ведомства и учреждения; 3) благотворительные заведения, университеты и академии, монастыри, пустыни, лавры, церкви, архиерейские дома; 4) сословные или местные общества, обязательные, с публичным характером (общества земские, губернские и уездные, городские, волостные и сельские, дворянские, купеческие, мещанские, ремесленные, общества биржевого купечества, лоцманов, вольных матросов и т. п.) [1, с. 137].

В ряде зарубежных стран проводится деление юридических лиц на частные и публичные. Так, термин «юридические лица публичного права» используется в Гражданском уложении Германии (далее – ГГУ) [2]. Определение юридических лиц публичного права в § 89 ГГУ не приводится, а установленные нормы имеют отсылочный характер и указывают на возможности применения к казне, корпорациям, фондам и учреждениям публичного права общих норм об ответственности (юридического лица) за действия его органов (абз. 1 § 89 и 31 ГГУ); на необходимость для правления юридического лица публичного права подать заявление о возбуждении процедуры банкротства, если в соответствии с законом